

РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ В СТАНОВЛЕНИИ КАЗАЧЕСТВА ВОСТОЧНЫХ ОКРАИН РОССИИ

Анна Ивановна КОВАЛЕНКО,
кандидат исторических наук,
г. Благовещенск

Большую роль в формировании авторитарной казачьей культуры играет субъективный фактор. Освоение и развитие края связано с личностью графа Н. Н. Муравьёва-Амурского, и его соратника М. С. Корсакова. Достойными последователями на должность генерал-губернатора, начальника громадного края, стали С. М. Духовской, Н. И. Гродеков, П. Ф. Унтербергер, Н. Л. Гондатти. Это поистине исторические личности.

У казачества складывалась особая система взаимоотношений с первыми лицами края. За исключением единственного гражданского генерал-губернатора, талантливого администратора и известного ученого Н. Л. Гондатти губернаторы края были людьми военными, получившими блестящее академическое образование, имевшими в прошлом большой опыт воинской службы. Для казаков одновременно они являлись наказными атаманами Приамурских казачьих войск. В харизматической казачьей культуре генерал-губернаторы были наместниками царя и к ним соответственно титулу относились. Это были отцы-командиры, неустанно заботившиеся о казачьих делах, службе и семьях.

С. М. Духовской вошёл в историю Амурского и Уссурийского войск как радетель о благосостоянии казачества, проявивший личную настойчивость в отводе казакам отдельной войсковой земельной полосы, его имя всегда вспоминалось с большой благодарностью.

Н. И. Гродекова исследователи называют организатором наступательных действий казачества в русско-китайском конфликте, он поддерживал войско материально, а при необходимости проявлял отеческую заботу о простых казачьих семьях. Несмотря на высокий сан, Николай Иванович был человеком демократичным, доступным в общении с рядовым казачеством. Так, он стал крестником Ивана Коренева, сына атамана Поярковского станичного округа, и после отъезда в Петербург длительное время переписывался с этой семьёй¹.

Незаурядной личностью, пользовавшейся заслуженным авторитетом среди казачества, был П. Ф. Унтербергер. После девяти лет пребывания

в должности наказного атамана Уссурийского казачьего войска, а затем семи лет нижегородского губернатора он был назначен генерал-губернатором Приамурского края, командующим войсками Приамурского военного округа и Наказным атаманом Приамурских казачьих войск. П.Ф. Унтербергер успешно занимался административной работой. Решая вопросы по укреплению экономического и военно-стратегического потенциала края, строительству железной дороги, осушению болот, переселению крестьян и наделению землёй казаков, он стремился к усилению военной мощи России на Дальнем Востоке. Одновременно Унтербергер отличался знанием жизни простых казачьих семей, проявлял по отношению к ним заботу и внимание. Прощаясь с Уссурийским войском, он сделал пожертвования ряду школ, храмов, посетил семьи подъяесаула Савицкого, старейшего уссурийского казака, первопоселенца из Забайкалья, отставного зауряд-хорунжего Кольшкина, могилу рядового Терентия Лапина, погибшего при охране границы².

Все генерал-губернаторы были разносторонними личностями, имевшими широкий диапазон интересов, уделяли должное внимание развитию образования, культуры, здравоохранения, многие из них занимались научной деятельностью.

Ответственность за положение дел в войсках несли военные губернаторы территорий (они же войсковые наказные атаманы). С их именами казаки связывали состояние службы, тяготы и радости станичного быта, проведение преобразований в войсках и наиболее значимые события. В большинстве своем войсковые атаманы — выходцы из центральных регионов России, дворянского происхождения — получили базовое военное образование и имели достаточный опыт службы в войсках. Военное министерство для службы на восточных окраинах России старалось подбирать руководителей, соответствовавших величию задач, которые им приходилось решать: умелых организаторов и опытных военачальников, людей неравнодушных, способных обеспечить безопасность государства и культурно-хозяйственное развитие края. Среди военных губернаторов были и руководители, склонные к авторитарным методам управления и предпочитавшие более демократический стиль руководства, но несомненно одно — все они были патриотами Отечества.

В числе наиболее талантливых командиров, глубоко вникавших в решение проблем, стоявших перед Забайкальским войском, был М.П. Хорошхин. Он сделал глубокий анализ состояния войска в начале 90-х гг. XIX в., убедительно показал роль, которую сыграли забайкальские казаки в истории России.

Е.О. Мациевский слыл просвещенным губернатором. Это был высокообразованный, интеллигентный человек, закончивший Киевский кадетский корпус и курс Николаевской академии Генштаба. Неоценимый вклад внес губернатор в духовное и культурное развитие области: при нем были открыты Забайкальская духовная консистория, первое ремесленное училище, музей, библиотека, Читинский отдел РГО, организована

сельскохозяйственная выставка. Мациевский способствовал завершению строительства участка железной дороги на территории области, занимался вопросами землеустройства в комиссии А. И. Куломзина. При такой напряженной государственной и общественной деятельности он много внимания уделял казачьей службе³.

Но, пожалуй, лучше всех казачью психологию знал А. И. Кияшко. Потомственный кубанский казак, наделенный крутым нравом, он утверждал волевой стиль руководства в войске, готовил Забайкальское казачество к отправке на фронт во время Первой мировой войны, по его инициативе разрабатывались проекты войскового Герба и нагрудных знаков, которые могли бы символизировать славную историю забайкальских казаков. В войске А. И. Кияшко пользовался заслуженным авторитетом⁴.

Среди военных губернаторов и наказных атаманов Амурского казачьего войска следует выделить И. К. Педашенко. Восемь лет службы отданы им этому войску. Вот как пишет об этом руководителе Р. Иванов: «Смотры его не походили на смотры других высших начальников: с разносами, выговорами, арестом и пр. Обыкновенно народ при проезде таких ревизоров прятался по избам, а дети вместе со стариками сидели за печкой на ленивках. При посещении Педашенко народ высыпал на улицы, принарядившись в лучшую одежду, с детьми и жёнами; и делалось это добровольно, а не по выгону сотенных командиров, потому что казаки любили Педашенко за его простоту и ласку в обхождении и умелые расспросы об их жизни». Вместе со своим войсковым атаманом казачество переживало самое разорительное наводнение 1872 г. «Сердечный человек — Педашенко плакал, смотря на разорившихся казаков», — писал современник. Но благодаря энергии и распорядительности Педашенко население было своевременно обеспечено продуктами. Благополучие войска И. К. Педашенко связывал с ростом образованности казаков, поэтому самое пристальное внимание уделял развитию образования. При нём были открыты бригадная школа, пансион, коновальная школа, народное училище, отделение женской школы, полковой, бригадный и батальонные лазареты. И. К. Педашенко старался подобрать в школы грамотных учителей. По рекомендации главного инспектора училищ Восточной Сибири Маака учителем в народное училище он пригласил Семёна Казимировича Бомбковского, в бригадную школу — офицера Кожуховского, для обучения девочек — жену чиновника Родионова. В адресе, врученном губернатору по поводу его отъезда в Иркутск в 1874 г. и подписанном офицерами бригады и представителями городского населения, давалась высокая оценка личности И. К. Педашенко: «Восьмилетнее управление Ваше Амурской областью было тем временем, которое навсегда останется памятным для амурских жителей как время пробуждения и воспитания в общественном сознании чувства долга и уважения к человеческому достоинству.. Свобода мысли Ваших подчиненных, направленная на общественное благо, приветствовалась Вами, как верный

залог того свободного, общественногласного ведения дела, которое рано или поздно должно заменить собою устаревшие формы жизни...»⁵

Такой подход к оценке деятельности первого лица в руководстве области показывает, что в период становления войска, когда в его жизни всё строилось на палочной дисциплине, процветали дикость и необразованность, приоритет отдается демократическим методам управления, свободе мысли, осознанной деятельности, основанных на образовании и воспитании людей.

В Якутском казачьем полку статус атамана был значительно ниже. Причиной тому стала принадлежность якутского казачества к гражданскому ведомству, где вся полнота власти принадлежала губернатору, должность которого не совмещалась с должностью атамана полка. Поэтому атаман постепенно превращался в незначительного чиновника, и судьба многих из них заканчивалась печально. Например, прослуживший до старости атаман А.И. Наричын умер в больнице и похоронен за казённый счёт; Н.В. Чокуров по выходу в отставку ютился в полковой сторожке, кормился подачками казаков и был похоронен за их счет; З.П. Бродников сенатской ревизией был обвинен в злоупотреблениях по службе и истязании казаков, осужден к ссылке на 20 лет в тобольский батальон рядовым; К.Р. Киринский не смог возместить недостачу полковых денег, совершенную офицером Корытовым, покончил жизнь самоубийством; К.Г. Шахурдин умер, прослужив 20 лет, после чего жене назначили пенсию в 47 рублей; А.С. Шахурдин по доносу два года находился под следствием и вышел в отставку⁶.

Одним из критериев степени зрелости системы является её способность к самовоспроизводству. Относительно казачьих войск восточных окраин России таким критерием может служить процесс подготовки собственных квалифицированных кадров и формирования казачьей элиты. Это сложный эволюционный процесс. Необходимо время, чтобы на фоне общей казачьей массы, живущей по Уставу и приказу командира, выделился политически, духовно и интеллектуально привилегированный активный слой населения, способный занять лидерские позиции. Формирование элит происходит под влиянием многих факторов: биолого-генетических признаков, психологических качеств, социальных условий жизни. На наш взгляд, выделение казачьей элиты в Забайкалье и Приамурье началось в XX в., когда была накоплена собственная социальная практика, появилось второе и третье поколение коренных казаков, получила определенное развитие система образования, когда участие в важных военно-политических событиях привело к собственному пониманию главных жизненных ценностей и оценок. Но, к сожалению, этот процесс был прерван в самом начале.

Специфика военного сословия делала привлекательным для пассивной части населения стремление к руководству, власти, подчинению себе других, поэтому казачья элита формировалась в рядах ко-

мандного состава. Образовательной базой для неё стали Оренбургское казачье училище, Сибирский кадетский корпус и Иркутское юнкерское училище.

В начале XX в. были случаи замещения должностей наказных атаманов выходцами из своих войск. К их числу относится Н. П. Беломестнов, исполнявший должность атамана ЗКВ в 1904—1906 гг. Его отец — забайкальский казак, участник «амурского дела», в 1879 г. возведённый в личное дворянское звание. Атаманство Николая Павловича пришлось на годы русско-японской войны. Н. П. Беломестнов проявил себя умелым организатором, он встречал эшелоны с ранеными, организовывал работу госпиталей, курсов по подготовке сестер милосердия, направлял работу Красного Креста по организации питания раненых. Его усердная служба была отмечена орденами св. князя Владимира 3-й степени, св. Анны 2 и 3-й степени, св. Станислава 1, 2, 3-й степени с бриллиантовым перстнем, серебряной медалью в честь правления Александра III, знаком «За заслуги и участие в войне 1904—1905 гг.»⁷

И. М. Гамов, атаман Амурского казачьего войска, вступил в должность весной 1917 г. Он был представителем достаточно распространенной на Амуре фамилии Гамовых, которые с середины XIX в. проживали в хуторе Верхне-Благовещенском Екатеринбургского станичного округа. Широкую известность в казачьих кругах учитель, заведующий школой И. М. Гамов получил после избрания его депутатом IV Государственной думы в 1912 г. Активная депутатская деятельность привела его на пост войскового атамана. Принимал участие в Гражданской войне против Советов, был организатором мятежа 1918 г. До 1919 г. атаман Гамов предпринимал меры, чтобы сохранить казачество как организованную силу. С установлением советской власти в Приамурье он эмигрировал в Китай. С 1920-х гг. учительствовал и заведовал школами на территории Маньчжурии, состоял в активе белоэмигрантского казачьего движения. По убеждениям продолжал оставаться монархистом. В 1945 г. принял советское гражданство, но на родину не вернулся. Умер в 1950 г.⁸

Формирование казачьей элиты происходило прежде всего в офицерском корпусе. К началу русско-японской войны офицерский состав казачьих войск в основном был представлен выходцами из семей забайкальцев и приамурцев. На полях сражений в войнах начала XX в. выделилась когорта командиров, отличавшихся смелостью, умевших идти на риск и своим примером увлекать за собой казаков, способностью принимать оперативные решения в боях и нести за них ответственность. Истории известны имена крупных полководцев, решавших во время войны стратегические задачи на фронтах, и имена рядовых воинов, прославившихся своими подвигами. Но судьбу сражений определяли офицеры, которые командовали бригадами, полками и более мелкими воинскими подразделениями. Они одновременно были и стратегами, и непосредственными командирами казаков во время боевых действий, грамотными строевыми офицерами.

Легендарной личностью среди забайкальского казачества был Василий Георгиевич Казаков — выходец из пос. Березовки Знаменской станицы. Вряд ли кто из русского офицерства имел столько наград, как В.Г. Казаков. На турецком фронте Первой мировой войны он заслужил четыре ордена св. Георгия, золотую Георгиевскую шашку, ордена Анны 4-й и 3-й степени, Станислава 3-й и 2-й степени, Владимира 4-й степени. Двое золотых часов получил Казаков лично из рук Государя императора Николая II за победы в соревнованиях по джигитовке и стрельбе. Но главным патриотическим подвигом полковника Казакова было спасение 34 боевых знамен Забайкальского казачьего войска. После Гражданской войны ему удалось вывезти знамена за границу и 23 года хранить их в Маньчжурии, а в августе 1945 г. передать советским войскам⁹.

Убедительным подтверждением, что за годы войны сложился элитарный слой казачьего офицерства Забайкальского казачьего войска, служат аттестационные листы за 1920 г. Вот некоторые из них.

Генерал-майор И.Т. Артамонов — командир первой Забайкальской казачьей бригады, в первом офицерском звании с 1908 г., Георгиевский кавалер. В полном смысле отличный боевой кавалерийский генерал, лихой неутомимый наездник, отличный начальник.

Полковник Г.Г. Эпов — начальник штаба первого Забайкальского казачьего полка, с 1907 г. в офицерском звании. Отличный офицер во всех отношениях (как боевой — великолепен, очень серьёзный, мало говорит, но много делает). Всегда пользовался уважением подчиненных.

Полковник М.Ф. Рюмкин — командир второго Забайкальского казачьего полка, офицер с 1905 г. Воевал против турок и курдов в Первую мировую войну, участник белоказачьего движения. Очень спокойный, был любим своими подчинёнными и умел заставить их служить. Военное дело знал хорошо.

Полковник М. Золотухин — командир второй Забайкальской казачьей бригады. Прошел всю Первую мировую войну, а затем воевал против большевиков. Награжден 4 орденами и Георгиевским оружием.

Войсковой старшина М. Ваулин. Отмечен многими наградами за храбрость, среди них два Георгиевских креста. Храбрый отличный строевой офицер, пользовался уважением сослуживцев.

Войсковой старшина А. Размахнин, с 1920 г. командовал третьим Забайкальским казачьим полком, Георгиевский кавалер. Отличный боевой, строевой офицер.

Есаул Д.А. Мунгалов — командир второй Забайкальской казачьей батареи. Вот как характеризует его командир Мыльников: «Природный ум окупает в значительной степени недостатки общего образования. В простой обстановке спокойный, решительный, но при сложности, требующей для разрешения особых познаний, поддается посторонним влияниям. В основных нравственных принципах твёрд и обладает сильно развитым чувством чести. В действиях отсутствует рисовка, преобладает скромность. Служба и дело на первом плане. В бою храбр и решителен»¹⁰.

Эти и многие другие характеристики доказывают, что казачество восточных окраин России возглавлялось образованными, прошедшими большую боевую школу, обладавшими лидерскими качествами командирами. И эти оценки соответствовали действительности. По документам аттестации мы видим, что среди командного состава были и другие профессиональные офицеры, невыдержанные и склонные к авантюрам.

Например, приведем характеристику войскового старшины Н. Голобокова, командира первой Забайкальской казачьей батареи: «Умственные способности богатые, но навыком к длительной и напряжённой работе не обладает. Волевые импульсы чрезвычайно сильные, но также часто беспорядочные. Нравственно устойчив. Склонен к самодурству, упрям, крайне самолюбив. В бою храбр, порывистый и решительный. Службу знает хорошо, знание законов слабое. Отношение к подчинённым нервное, часто грубое и незаконное, что при наличии упрямства трудно искоренимо». При этом за храбрость Голобоков награждён орденами св. Станислава 1, 2, 3-й степени с мечами и бантом и св. Анны 2, 3, 4-й степени с мечами и бантом¹¹.

Представляет интерес в нравственно-психологическом отношении личность Георгиевского кавалера Е.Г. Сычёва. Сын казака Игнашинской станицы Амурского казачьего войска, он закончил Иркутское юнкерское училище и начал служить в Амурском казачьем дивизионе, а затем в лейб-гвардии сводном казачьем полку. В войну вступил в должность командира 4-й Приамурской сотни, а в 1916 г. уже командовал первым Амурским казачьим полком. В Гражданскую войну он командир Забайкальской казачьей бригады, первой Забайкальской казачьей дивизии, Отдельной Амурской бригады. В эмиграции генерал Е.Г. Сычёв возглавлял Восточный казачий союз¹². Храбрый боевой офицер, патриот, до конца верный казачьей идее, в то же время дерзкий с начальством, жестокий с подчиненными. Убеждённый борец с большевизмом и одновременно обвиняемый в демократических настроениях. П.Н. Врангель вспоминал: «Амурские казаки, отличные солдаты... в большинстве случаев народ буйный и строптивый. Полком Амурского казачьего войска командовал полковник Сычёв. Подъехав к полку, я с удивлением увидел вместо сотенных значков, в большинстве сотен красные флаги... Командир подскакал с рапортом, оркестр играл Марсельезу. Приняв рапорт командира полка, я спросил его, что значит этот маскарад, и услышал неожиданный для меня ответ — «казаки потребовали»¹³.

В ответ на объявленное наказание Сычёв старался внушить офицерам и казакам, что Врангель оскорбил полк и все амурское казачество, что сам он не казак, и потому обижает казаков, т.е. решил сыграть на чувстве казачьей самостийности. В годы Гражданской войны «...полковник Сычёв, будучи на службе в Амурском казачьем полку, слишком дерзко относился к подчиненным, наказывал розгами, подвергал пыткам и расстрелам казаков», за что IV войсковой круг Амурского

казачьего войска принял решение об исключении его из войска и привлечении к судебной ответственности¹⁴.

Самую головокружительную карьеру сделал атаман Г.М. Семёнов. Высшие боевые награды — орден св. Георгия и Георгиевское оружие — он получил в звании хорунжего. Революцию встретил в чине есаула третьего Верхнеудинского полка Забайкальского. Он видел, что революционное брожение в войсках приводит к деморализации армии. В июне 1917 г. представил Главному штабу армии проект реформирования войск, прежде всего бурятских полков, который заинтересовал генерала от кавалерии Брусилова. Для борьбы с большевиками в Забайкалье Семёнов сформировал Особый Маньчжурский отряд. За два года он вырос от есаула до генерал-лейтенанта. Благодаря личным волонтаристским качествам, пользуясь различного рода междоусобицами атаманов в Гражданской войне, Г.М. Семёнов стал атаманом Забайкальского казачьего войска, Походным атаманом дальневосточных казачьих войск и правопреемником Верховного правителя адмирала Колчака¹⁵.

Верным соратником атамана Семёнова был казак Атамановского поселка ЗКВ, Георгиевский кавалер, командовавший в Первую мировую войну вторым Верхнеудинским казачьим полком, А.П. Бакшеев. В эмиграции генерал-лейтенант Бакшеев возглавлял Бюро по делам российских эмигрантов в Харбине, затем в Хайларе и был начальником Союза казаков на Дальнем Востоке¹⁶.

Причудливо переплетались судьбы казачьих офицеров. Те, кто плечом к плечу был в огне сражений Первой мировой войны, нередко оказывались по разные стороны баррикад в гражданскую. Ярким примером тому служат биографии двух командиров, двух полных Георгиевских кавалеров — С. Топоркова и Н. Таранова. Топорков всю жизнь служил верой Царю и Отечеству, прошел русско-японскую войну, а затем воевал на юго-западном фронте в составе Кавказской дивизии. Здесь он и встретился с разжалованным в штрафбат за пропаганду большевистских идей среди солдат, лишенным звания капитана Н. Тарановым — казаком станицы Кайдаловской. Оба храбро сражались, каждый имел более десяти ранений. Последняя встреча состоялась заочно, когда остатки второго Кубанского казачьего корпуса под командованием генерал-лейтенанта Топоркова яростно контратаковали сибирских стрелков красного командира Таранова, прорывавшихся к Крымскому перешейку. Таранов станет кавалером ордена Красного Знамени, а Топорков в бессознательном состоянии будет доставлен кубанцами на один из последних пароходов, покидавших Крым¹⁷. Каждый из них служил патриотической идее, но у каждого было свое представление о справедливости.

Важным условием стабильности казачьих обществ стали семейные династии, основанные на родственных связях и единой духовной вере. К старинным забайкальским казачьим родам относятся Эповы, Размахнины, Парыгины, Беломестновы, Колесниковы, Токмаковы, Буто-

рины и др. Забайкальцы породили семейные кланы среди приамурских казаков. Многие представители династических фамилий стали Георгиевскими кавалерами. В роду Верхотуровых высшими боевыми наградами отмечены четыре человека, Кореневых — 5, Мунгаловых — 7, Номоконовых — 13, Пешковых — 5, Поповых — 9, Сенотрусовых — 5, Суриковых — 7, Трухиных — 6, Филиновых — 8, Щеголевых — 8, Щербаковых — 6 и др.¹⁸ Среди уссурийцев казачий род забайкальцев продолжили Шереметьевы, Шестаковы, Гребеншиковы, Михайловы, Черемисиновы и др. Именно эта среда воспитывала людей, для которых делом чести, профессиональным долгом и смыслом жизни стало служение Отечеству.

Таким образом, в начале XX в. казачьи войска восточных окраин России были обеспечены собственными офицерскими кадрами, среди которых сложилась плеяда командиров, обладавших выдающимися лидерскими качествами, закаленных в боях, преданных казачеству и России. Формирование их нравственных качеств проходило под влиянием социальной среды. Казачье офицерство было плоть от плоти рядовой казачьей массы. Их жизненная позиция складывалась в условиях станичного быта, военной организации и духовного мира, царившего в семьях.

¹ АРГО. Ф. 30, оп. 2, д. 56, л. 1—8.

² РГВИА. Ф. 99, оп. 1, историческая справка; Приамурские ведомости. Хабаровск, 1897. № 181.

³ Забайкальский рабочий. Чита, 1999. № 31.

⁴ ГАЧО. Ф. 1, оп. 1, д. 1739.

⁵ Иванов Р. Краткая история Амурского казачьего войска. Благовещенск, 1912. С. 155.

⁶ Якутская окраина. Якутск, 1913. № 210.

⁷ ГАЧО. Ф. 1, оп. 1, д. 1994, л. 58.

⁸ Абеленцев В. Н. Амурское казачество. XIX—XX вв. Благовещенск, 2004. С. 198—206.

⁹ Перминов В. Спаситель казачьих знамен // Забайкальский рабочий. Чита, 1994. 16 июля.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 3354, оп. 1, д. 8, л. 318, 322, 514, 530.

¹¹ Там же. Л. 516.

¹² Абеленцев В. Н. Амурское казачество... С. 211.

¹³ Врангель П. Н. Записки (ноябрь 1916—ноябрь 1920). Подольск, 1991. Кн. 1. С. 24—25.

¹⁴ ГААО, НСБ. Протоколы IV войскового круга. Благовещенск, 1918.

¹⁵ Власьевский Л. Ф. Атаман Семёнов // Русский настольный календарь на 1936 г. Харбин, 1936. С. 51—52.

¹⁶ ГАХК. Ф. 829, оп. 1, д. 14, л. 17.

¹⁷ Апрельков В. Два капитана // Экстра. 1999. 28 окт.

¹⁸ Абеленцев В. Н. Амурское казачество... С. 229—248.

SUMMARY: The article is devoted to subjective factors of Russian advanced to Far East. The author is accent of attention on process of Cossacks elite in Zabaikalye and Priamurye in period from the end XIX to beginning XX centuries. System of education and also various social experience of Cossacks are analyzed.